

Трасковская Г.С.

УДК 81'37=222.1'06

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы. До сих пор в языкознании вызывает большой интерес вопрос о природе первичного наименования вещей. Вопросы связи между звуком и значением изучаются по материалам самых различных языков: в русском языке проблему звукоподражания затрагивали С.В. Воронин, А.И. Германович, В. Н. Добровольский, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, С. А. Карпунин и другие; в славянских языках – Р. Смаль-Стоцкий, С. М. Толстая; в немецком – Е. А. Глухарева, В. Т. Косов и другие; в шведском – А. Нурен, в датском – К. Нироп, во французском – М. Грамон и Е. Е. Корди, в румынском – И. Джордан, А. Росетти, в испанском – В. Диего, в литовском – А. Лескин; в крымскотатарском языке – А. М. Меметов, З. Н. Аджимуратова. Первичное закрепление значения слова, или первичное наименование, основанное на формировании обобщенного образа, проходит через конкретные этапы чувственного познания, при котором важную роль играют органы чувств. Определенные закономерности зрительного и осязательного восприятия могут мотивировать систему наименований предметов, встречающихся в человеческой практике в связи с этими видами ощущений. **Целью** статьи является выявление фоносемантического этимона, который в соответствии с общей теорией звукоизобразительности может выступать как обобщенный фонемотип.

Изложение основного материала. Вопросы о внутренней связи звука и значения волновали ученых с древних времен. Известно, что в средние века данным вопросом интересовался иранский философ Абу Али ибн Сина [8]. Многие из исламских и иранских ученых были убеждены в природной взаимосвязи звука и значения, в том числе Халил ибн Ахмад Фарахиди и Сибуйе, которые считали, что арабское произношение создается по форме и составу смысла. Абу Фарси и его ученик ибн Джана, Сойути, Мирдамад также считали взаимосвязь звука и смысла естественной.

Изучением звукоизобразительной лексики персидского языка занимался только доктор Вахидиан Камиар, до него общее количество написанного о звукоизобразительных словах персидского языка состояло из ссылок, нескольких одностраничных статей, в которых даже не было определено понятие звукоизобразительности.

Вахидиан Камиар, цитируя М. Боултона: «The sound must seem an echo to the sense» (Звук должен казаться эхом смысла) [6, с. 56], придерживается мнения о том, что людям близко всё естественное и природное, поэтому именно звукоизобразительные слова способны действовать на подсознание человека, что делает их использование, особенно в поэзии, более предпочтительным [9, с. 37].

Вахидиан Камиар отмечает свойства персидских звукоизобразительных слов, согласно которому звукоизобразительные слова персидского языка имеют следующие особенности: большинство данных слов подвержены полной или неполной (представляющие собой варьирование одного и того же слова путем изменения одного или нескольких звуков в одном из компонентов) редупликации; парные словосочетания, образованные путем редупликации употребляются либо без соединительного аффикса: عو عو [оуоу] – *подр.* гав-гав, гавканье, лай собаки, قارقار [fɑrɑfɑr] – *подр.* карр (ворона), карканье, либо с соединительным аффиксом و [ва]: فش و فش [фэшшофэш] – журчание, تاپ و تاپ [таппотуп] – *подр.* нанесению удара по чумлибу (обычно звук перед و [ва] удвоенный), либо с соединительным аффиксом ا [а] (количество данного вида очень маленькое): ترنگاترنگ [tɑrɑngɑtɑrɑng] – *подр.* продолжительному треньканью струн или тетивы; треньканье; свист (стрелы), چقاچق [tʃɑfɑtʃɑf] – шум, галдеж. Автор отмечает, что существуют звукоизобразительные слова, употребляющиеся самостоятельно, без редупликации: دمب [dɑmp] – *подр.* падающего с высоты предмета) и парные словосочетания, которые, наоборот, не используются в одиночку, без редупликации: خر خر [хорхор] – *подр.* хрипу, храпу, хрюканью). От большинства звукоизобразительных слов можно образовывать глаголы, существительные и прилагательные. Некоторые звукоизобразительные слова являются сложными, например آبشار [абшар] – водопад, каскад, آسمان غرش [асмангөррэш] – гром, چشم غره [чешмгөррэ] – гневный взгляд. Персидские звукоизобразительные слова, как и другие именные части речи, при помощи вспомогательных глаголов могут употребляться в качестве глаголов, например جر جر کردن [джерджер кәрдән] – разрывать (бумагу, ткань), دبدبه زدن [дәбдәбэ зәдән] – *уст.* бить в барабан.

Во все времена поэзия в Иране занимала главенствующее место в литературе, поэтому именно для персидского языка изучение звукоизобразительной лексики необычайно важно [9, с. 37]. Вахидиан Камиар считает данную лексику «самым главным инструментом для поэтов» [9, с. 39].

Главный вклад Вахидиана Камиара в изучение звукоизобразительной лексики заключается в составлении толкового словаря звукоизобразительных слов и междометий персидского языка.

В целом ряде звукоизобразительных слов персидского языка имеет место вариативность, представляющая собой взаимное перемещение анлаутного и ауслуотного согласных в корнях, встречается в виде соответствующих пар с одинаковыми или сходными значениями, например: کلکل [кәлкәл] – *уст.* пустая болтовня, чепуха, ерунда – لکلک [ләкляк] – пустословие, болтовня; شق کردن [шәф(ф) кәрдән] – раскалывать, рассекать, разрубать – غش غش خندیدن [fɑʃfɑʃ xɑndidɑn] – *разг.* громко, раскатисто хохотать; فوت [фут] – дутьё, раздувание (*ртом*) – توف [туф] – *уст.* крики, шум, рёв; فچ فچ [fɑtʃfɑtʃ] – рваный, разорванный, разодранный – چغر [чегәр] или چاغر [чәгәр] – потрескавшийся; هر هر [hɑr hɑr] – *разг.* хохот, громкий смех – هر و هر [hɑr wɑr] – *разг.* хохот; فد فد [fɑd fɑd] – кудахтанье – داغ داغ [dɑg dɑg] – резкий отрывистый звук; стучание; تپ تپ [теп теп] – *подр.* биению, пульсации (*сердца*) – پت پت [пет пет] – *подр.* звуку гаснувшей лампы, догорающей свечи или глохнувшего мотора; فلوپ فلوپ [голоп] или فلوپ فلوپ [голоп голоп] – звуки издаваемые

человеком при питье; бульканье (*в горле при питье*); разг. глоток, хлебок – بلق [болог] – *подр.* бульканью воды; زَعْرَج و زَعْرَجِي [жа́гжа́г] – скрежет (*напр. от злости*); лязганье зубами (*напр. от холода*) – زَعْرَجِي [гэ́жгэ́ж] – скрип (*обуви; двери и т.д.*); غَاك [га́к] – كَاغ [ка́г] – карканье (*вороны*); مَف [моф] – فَيْن [фин] – *разг.* сопли и другие.

Как видно из примеров, корни и основы, составляющие сравниваемые пары, в подавляющем большинстве представляют собой звукоизобразительные формы с семантикой различного рода звучаний и движений. В персидском языке такие пары согласных могут подвергаться взаимной перестановке: *í* – *ð*, *ð* – *í*; *í* – *к*, *к* – *í*; *í* – *ч*, *ч* – *í*; *í* – *ш*, *ш* – *í*; *í* – *ж*, *ж* – *í*; *м* – *ф*, *ф* – *м*; *т* – *ф*, *ф* – *т*; *т* – *п, б*, *п, б* – *т*; *п* – *р*, *р* – *п*; *к* – *л*, *л* – *к*. Эти согласные, отличающиеся друг от друга по способу и месту артикуляции, при перемещении либо подвергаются озвончению, либо сохраняют исходную форму. В семантическом плане происходит определенная градация степени соответствия, при которой значения одних корней и основ совершенно идентичны, других – близки друг к другу, третьих – сходны, четвертых – несколько отдалены, пятых – логически сопоставимы, то есть происходит определенная филиация значений, способная привести к значительным семантическим сдвигам.

Прежде чем делать какие-либо выводы относительно природы и происхождения исследуемого явления, отметим, что перестановка корневых согласных имеет место не только в персидском языке. А. М. Газова-Гинзберг считает, что «спорадические перестановки двух близкородственных по артикуляции согласных фонем широко распространены в самых разных языках. Наиболее известны случаи перестановки двух переднеязычных, так называемых плавных (второй из них не всегда плавлен): *lur*. В семитских языках классическим примером является имя *RGL* 'нога': в древнеарамейском рядом с этой формой известна *LGR* с расподоблением (мандейский диалект) - *NGR* в арабском диалекте Сирии (арамейский субстрат) - '*GR*, как и в эфиопском [2, с. 152].

Рассматривая звукоизобразительность в ряде африканских языков, Б. В. Журковский отмечает: «Наибольший интерес представляет звуковая природа идеофонов, а именно связь отдельных групп <...> "похожих" согласных (например, b/p/f/h; z/s; m/n; d/g и т.д.) с определенными лексическими значениями, причем последовательность элементов <...> в морфемических сегментах, как правило, безразлична, и замены указанных "похожих" элементов фонетически необусловлены» [4, с. 54].

Обсуждая подобные образования в малайском/индонезийском, Д. Карр пишет: «Важно помнить, что неэкспрессивные образования <...> дают очень мало свидетельств подобной свободы выбора между звонкими и глухими смычными, между смычными и соответствующими им фрикативными, между носовыми и ротовыми <...> Появление такой пластичности является практически неоспоримым признаком экспрессивности» [7, с. 372].

А. Б. Михалёв, изучив вариативные возможности вокалических и консонантных компонентов морфем в отношении к их семантическим реализациям, приходит к выводу, что «Фоносемантическое поле <...> характеризуется общностью морфемотипа, т.е. инварианта, допускающего вариативность консонантных элементов в пределах фонемотипа и практически свободную вокалическую вариативность [5, с. 127].

Очевидно, учёные по-разному объясняют возникновение метатезной вариативности согласных в корне. Одни причину данного явления находят в действии фонетических закономерностей, другие – в специфике артикуляторных навыков, третьи – в способности корня отражать психофизиологические процессы, происходящие в мозгу человека. Так как в приведенных примерах перемещению подвергаются многие согласные с самыми различными дифференциальными признаками, выходящими за рамки интерпретации на ассимилятивной и диссимилятивной основе, а, также учитывая относительность понятия об удобстве/неудобстве произнесения тех или иных сочетаний согласных, очевидно, что гипотеза, основанная на закономерностях психики восприятия звука/звукокомплекса и охватывающая исследуемое явление в целом, вполне логично объясняет природу данного явления.

Развитие равнозначных корней с разной последовательности звуков приводит их к значительному отдалению друг от друга и образованию двух разных слов, фонетико-семантическая связь между которыми зачастую можно выявить только при тщательном диахроническом исследовании.

Различные звучания окружающего мира можно разделить на мгновенные, т.е. удары (стук), немгновенные (шум ветра, гудение). Удары в свою очередь могут быть единичные (выстрел, звук падения, треск огня), повторяющиеся (капли дождя, топот копыт), могут быть многократные, прерывистые, длительные. В ряде случаев длительные звуки бывают тоновые (вой, визг). Могут быть шумовые (шум воды, шелест). Это зависит от их произношения, что в нем преобладает, тон или шум. Бывают резонаторные звучания (рычание собаки или при вибрации). Существуют и комбинации звучаний. Всякое звучание может быть охарактеризовано как высокое и низкое, или громкое и тихое. Эта семантическая нагрузка отражается в фонетическом оформлении персидских звукоподражательных слов.

В основе первичного звукоподражательного комплекса, как установил Н. К. Дмитриев, лежит обычно согласный звук, который соответственно языковому сознанию говорящих наиболее точно передаёт различные шумы, звуки природы и деятельности человека. Односложные звукоподражания строятся по схеме: характерный согласный в сочетании с гласным и второй согласный, обычно гармонирующий с первым. [3, с. 11].

Звукоизобразительная система персидского языка, как и большинства языков мира, состоит из двух подсистем: звукоподражательной и звукоименной. Проведем анализ звукоподражательной подсистемы, основанный на психо-акустических характеристиках связи звукообозначений с различными денотатами. Для этого проанализируем персидские звукоподражательные корневые морфемы и их производные, затем привлечём аналогичные образования из других родственных и неродственных языков.

[tāf], [tāk], [tok], [dāf], [čāk], [ček], [čāf], [čef], [žāf], [šāf], [šāk] – звукоподражательные основы, обозначающие стук (жестких незвонких предметов), резкий отрывистый звук, мгновенный удар: تاغ *или* تاغ [tāf] – стук, удар (твердых поверхностей); تاغ تاغ [tāftāf] *или* تاغ و تاغ [tāftuʔ] – стук каблуков, подковы и т.д.; تق تق [tāftāf] *или* تک [tāk] – *подр.* тук-тук; стук, стучание; تک [tāk] – I. *подр.* тук-тук; стук, стучание; II. *разг.* бег, беготня; تق تق کردن [tāftāf kārđān] – тихо и непрерывно постукивать по деревянной поверхности; تک [tok] – *разг.* клюв; تق و تق [tāftuʔf] – *подр.* звукам, при длительной работе с деревом (*молотком и другими ремесленными инструментами*); دق [dāf] *или* دق دق [dāf dāf] – резкий отрывистый звук; стук, удары, стучание; دک [dāk] – *уст.* ломка, разрушение (*стен, дома*); دک دک کردن [dek dek kārđān] – *разг.* дрожать (*от холода, страха*); دک دک [dāgdāk] – *подр.* стуку зубов от холода; چک [čāk] – колотушка трепальщика хлопка; چک چک [ček ček] – *подр.* потрескиванию горящего фидила или масла; چغ [čāf] – *уст.* мутовка (*для сбивания масла*); چغ و چغ [čāf] *или* چغ و چغ [čāf] – 1. скрежет (*напр. от злости*); лягзганье зубами (*напр. от холода*); 2. *подр.* стуку падающих орехов, плодов и т.п.; چغ چغ [čāf] – *подр.* звуку при открытии и закрытии (*дверей и т.д.*); شکاشک [šākāšāk] – *подр.* топанию ног; شق [šāf(r)] – трещина, щель; раскалывание, рассечение, разрубание.

В данных примерах основным показателем силы звучания является анлаутный согласный. Смычный согласный на конце передает краткость звучания при ударе по твердым предметам. Сравним с другими языками: тадж. тақ-тақ – *подр.* стуку (в дверь); тик-тик – *подр.* тихий стук; шакаррос – лягзгать (зубами); тикка кардан – крошить, ломать на куски; дук-дук – *подр.* стук, биение (сердца); дакка – толчок, удар; тадж. бад. čukidan – вбивать; тадж. вандж. čikidan – прибывать; осет. саудун – вытряхивать, ковать; шугн. čuktōw – бить, стучать; язг. čəkaj – толочь, раскалывать; накалывать (узор при татуировке); тат.-евр. чокуч – молоток, молот; чеке-чек – хлопать; тур. takırdamak – стучать, греметь; dikmek – вбивать (столбы); рус. тук, (с)тук; англ. chack [tʃæk] – щёлканье, лягзганье зубами. При данном сопоставлении персидских звукоизобразительных форм с аналогичными образованиями других языков выявляется полное соответствие, что свидетельствует об устойчивости данной модели.

[tāp], [tāb], [tup], [tub], [dāb], [šāp], [čāp], [čap] – звукоподражательные основы, обозначающие удар твердым предметом о что-либо мягкое, отрывистый приглушенный звук: تپیدن [tāpidān] – биться, стучать, пульсировать; трепетать (*о сердце*); تپ تپ [tāptāp] [топтоп] [тептеп] – *подр.* биению, пульсации (*сердца*); تپ [tup] – мяч; تپ تپ [tāptāp] – *подр.* звуку падающего предмета; تپ تپ [tāptāp] – *подр.* ударам ладони обо что-то мягкое (*например, подушку*); تپ و تپ [tāptāp] – *подр.* ударам чего-либо о землю; تپ و تپ [tāptāp] – *подр.* нанесению удара по чему-либо; تپ [tāp(p)] – легкий, мягкий удар рукой; *подр.* удару чего-либо маленького; تپ [tāp(p)] – *подр.* удару чего-либо средних размеров; طباطب [tābtāb] – *уст.* палка для игры в конное поло; клюшка; شيلق [šāpālaʔ] *или* شيلقى [šāpālaʔi] – *разг.* оплеуха, затрещина; شرب شرب [šerp šerp] – *разг.* легкое прикосновение, мягкий удар; شلپ [šelp] – 1. *подр.* звуку пощечины; 2. *подр.* звуку громкого поцелуя, чмокание; چپچاپ [čāpčāp] *или* چپچاپ [čāpčāp] – *подр.* чмоканию поцелуя; чмок, чмокание; چپچاپ کردن [čāpčāp kārđān] *или* چپچاپ کردن [čāpčāp kārđān] – чмокать (целуя); چپچاپ [čāpčāp] – поцелуй; ديبه [dābdāb] – *уст.* шум, треск, грохот; стук копыт; грохот барабана; ديبه زدن [dābdāb zādān] – *уст.* бить в барабан.

Вариации гласных и согласных в инлауте и анлауте отображают различия силы звучания при обозначении данного вида шума. Губной взрывной ауслатный согласный передает приглушенность данного вида звука. При сопоставлении с другими языками обнаруживается значительная близость обозначения удара твердым предметом о что-либо мягкое в различных языках: тадж. тўб – мяч; тапидан – биться (трепетать, метаться); шаппотӣ – оплеуха; чўлп-чўлп; шалп-шалп – чмок; хор. čʔb, čʔr – хлопок в ладоши, шлепок; тат.евр. туп – мяч; тепик, телуьк – пинок, удар ногой; чопологъ – пощечина; шарпа-шарп – пощечина за пощечиной, удар за ударом, бум-бум; чапаламе – биться в судорогах; русск. топот; англ. tap [tæp] – легкий стук, слабый удар; тур. şar – чмокание.

[pār], [džār], [джер], [джер], [xār], [xār], [xār], [fār], [fār], [fār], [fār], [vār] *подр.* грому, грохоту, таракению, дребезжанию и другим шумам, производимым в результате многократных резонирующих движений предметов: پړپړ [pār pār] – *подр.* шумному взмаху крыльев птицы; جر [джер] *или* جر جر [джер джер] – *подр.* треску, раздающемуся при разрывании бумаги или ткани; چير چير [джерджер] – *подр.* чириканию, щебетанию; خرخر [xār xār] – *подр.* скипу, скрежету, лязгу, жужжанию; خراش [xāraš] – царапина; царапанье, чесание, скабление; غارغار [fār fār] – *подр.* карр (*ворона*), карканье; غارغور [fārōfūr] – *разг.* грохотание, громыханье; шум, гвалт; урчание (в желудке); карканье; غر [fār] – кваканье; غر غر [fār fār] *или* غر و غر [fār-o-fār] – I *разг.* ворчание, бормотание; II *подр.* урчанию в желудке; غرمبه [fārōmb] *или* غرمب [fārōmb] – грохот, удары (*грома, взрыва и т.д.*); گرگر (سوختن) [gōrgōr (suxtan)] – I. *подр.* урчанию в желудке; II. (гореть) потрескивая; ور [vār] *или* ور ور [vār vār] – *разг.* бессвязная, пустая болтовня; бормотание, ворчание; ور ورپف [vār vār pōf] – бормотание, которое произносится во время колдовства. Ауслатный дрожащий сонорный *p* является главным звукоизобразительным элементом данных корневых морфем, который, благодаря своей артикуляторной способности, естественно передает указанные значения. Гласные обозначают высоту, степень интенсивности и длительность тоновых звучаний. Анлаутные согласные определяют характер начала звучания. В других языках также существует данная звукоизобразительная модель с ауслатным дрожащим *p* при обозначении многократных действий резонирующих звуковых явлений, например: тадж. чирчирак – сверчок; ғурриш – гром; кур-кур – урчание (в желудке); ғарғара кардан – полоскать (горло); ғур-ғур – ворчание, бормотание (звуки); ғарч-ғарч, кирс-кирс – хруст; гурс-гурс – топот, грохот; тат.-евр. пар зере – летать, парить; гьиринж – скрип, скрежет; журжура – сверчок, кузнечик; хорусде – чесать, скоблить; гьурулти – гром, шум, рокот, грохот, раскат; гьэр-гьэр – каркать;

гъур-гъур – урчание в желудке; гъуртум – глоток (*жидкости*); англ. borborgymus [bɔrbɔ'rigməs] – урчание в желудке; нем. gurgeln – полоскать (горло); русск. гром; гро(хот); яп. кого – грохот; тур. kır(mak) – дробить, разрывать, ломать; сіг сіг – подр. о стрекоте цикад, кузнечиков. Рассматриваемая модель в различных языках полисемантическая, и может выражать различные оттенки дрожащих, вибрирующих звуков.

[зәнґ], [чәнґ], [дәнґ], [дәнґ], [дәрәнґ], [дэрәнґ], [джәрәнґ], [джерәнґ], [дэләнґ], [дэләнґ], [чәрәнґ], [тәрәнґ], [тәләнґ], [теленґ], [вәнґ], [вәнґ], [винґ], [тәнґ] подр. звону, звяканью: زنگ [зәнґ] – звонок; دنگ [дәнґ или дәнґ] или دنگ دنگ [дәнґ дәнґ или дәнґ дәнґ] – звон, лязг, бряцание, резкий металлический звук; стук камней друг о друга; звон в ушах; درنگ [дэрәнґ] или [дәрәнґ] درنگ درنگ [дэрәнґ дэрәнґ] или [дәрәнґ дәрәнґ] – подр. звону металлических или стеклянных предметов, 'дзинь', 'динь-динь'; звон (*напр.* колокольчика), звяканье; دینگ [динґ] – подр. звону, лязгу металлических предметов; دینگ دینگ [динґдинґ] – подр. звону большого колокола; جرنگ [джерәнґ или джерәнґ] или جرينگ [джеринґ] или جینگ [джинґ], چک چک [джәкджәкә], جيرینگ جيرینگ [джиринґджиринґ], جینگ جینگ [джинґджинґ] – подр. звону или бряцанию ударяющихся металлических и стеклянных предметов; бряцание; چنگ [чәнґ] – чанг (музыкальный инструмент), арфа, лира; چرنگ [чәрәнґ] – подр. звону ударяющихся сабель, жужжанию дрожащей тетивы, звону хрусталя; ترنگ [тәрәнґ] – подр. треньканью струн или тетивы; ترنگترنگ [тәрәнґатәрәнґ] – подр. продолжительному треньканью струн или тетивы; треньканье; свист (*стрелы*); تلنگ ترنگی [тэленґ] – подр. барабанному бою; تلنگر [тәләнґор] – шелчок (*пальцами*).

Как видно из примеров подражательное выражение разнообразных видов звона в персидском языке коррелятивно с акустическим своеобразием анлаута и гласных звуков. Переднеязычные смычный шумный анлаут данных звукоизобразительных форм по сравнению со щелевым анлаутом выражает более звонкое продолжительное звучание. Начальный согласный звук указывает на происхождение подражаемого звука, которое связано с ударом или каким-нибудь другим резким движением, а инлаутные гласные передают различия в силе звучания. Ауслаутное смычное среднеязычное сочетание [нґ] является общим для приведенных выше примеров данной модели, в котором звук [н] обозначает носовые, смягченные, грохочущие, продолжительные звуки, а звук [г] – голосовые звуки, глухие низкие шумы, что в сочетании при произнесении создает ощущение мягкого колебания, гулко звона. Аналогичная звукоизобразительность наблюдается и в других языках: тадж. Чиринг-Чиринг [джиринґ-джиринґ] – звон; тадж. Чирингосзанӣ [джирингосзани], Чарангосзанӣ [джирингосзани] – звяканье; тадж. занг – колокол; тадж. даранг-дурунґ – дробь; дари زنگ [зәнґ] – звонок, колокол; тат.-евр. зенг, зенгиле – звонок, колокол; тат.-евр. зинге-зинг – непрерывный звон; тат.-евр. денг – шум (*от которого можно оглохнуть*) и т.д.

В персидском языке, как и во многих других языках, кроме широко представленной звукоизобразительной формы со смычным среднеязычным сочетанием [нґ], в конце слова также встречаются случаи со смычным носовым сонантом [н] вместо сочетания [нґ], например: перс. زن [зән] (осн. наст. вр. гл. زدن [зәдән]) – бить, ударять, طننه *или* تنته [тәнтәнэ] – шум, грохот, звон, трезвон; звуки музыки, дробь (*барабана*), طنين [тәнин] – шум, гул, звон, звяканье; ترنم [тәрәннм] – пение, напевание; песня; трель; напев; тур. çan – колокол; тур. tin динь-динь (о звоне металлических предметов); курд. sor. dān – играть на муз. инструменте; бить, ударять; англ. tinnabulation [tɪnɪ'næbjə'leɪʃ(ə)n] – звон колоколов; рус. дин-дон, динь-динь; араб. دندن [диндин] – гудение, гул голосов. В английском языке используется велярный носовой согласный [ŋ]: ding [dɪŋ] – звон колокола; динь (имитация звона колокола или стука по металлу); тренькать; ding-a-ling ['dɪŋə'liŋ] – дин-ди-лин (звон колокольчика); ding-dong ['dɪŋ'dɔŋ] – дин-дон (о двойном ударе в колокол, звуке колокольчика или похожем); ting [tɪŋ] – подр. динь-динь.

Помимо обозначения звона подражательные слова с сонорным [н] и сочетанием [нґ] в ауслауте в персидском языке могут передавать значение стоны, плача, бурчания и других звуков, произносимых гнусаво, в нос. Например, ونگ ونگ [вәнґвәнґ] – разг. хныканье, плач (*ребенка*); وینگ [винґ] – гул, жужжание шмеля; فن کردن و فن کردن [фәннфән(н) кәрдән] *или* فننگ کردن [фәнґфәнґ кәрдән] – разг. бормотать, говорить невнятно; гнусавить, говорить гнусаво; هن و هن [хәннхән(н)] – разг. хныканье, крик; затруднительное дыхание, пыхтение; دندن [дәндәнэ] – уст. тихое, невнятное бормотание; آهن آهن [эхән(н)] *или* آهن و آهن [эхәнн-о-эхән(н)] – подр. похмыкиванию; فین [фин] – сморкание; разг. сопли; فین فین کردن [фин фин кәрдән] – разг. сопеть; من من کردن [мәнмән кәрдән] – разг. говорить неясно, невнятно; мямлить; шамкать и т.д.

Аналогичное семантическое развитие соответствующих звукоизобразительных форм характерно и для других языков, например, англ. groan [grəʊn] – охать, хныкать; рус. стон; тур. fapfansa – шамканье, мямление, лепетание; араб. دندن [дандана] – бормотать; тат.-евр. фин – сморканье, фырканье и т.д.

[тоф] نف – плевок, слюна; *межд.* тьфу; نف کردن [тоф кәрдән] – плевать, نغدان [тофдан] – плевательница; نغاله [тофале] – плевок, слюна; выжимки, отжимки; نفک [тофәк] – труба (*из которой дети, выдыхая, стреляют крупной, шариками и т.п.*); игрушечное ружье; اخ نف [әхтоф] – разг. плевок; мокрота. В анлауте данного изобразительного корня – глухой переднеязычный смычный, в инлауте – огубленный заднего ряда, в ауслауте – глухой щелевой губно-зубной. Физической основой артикуляции междометия и звукоизобразительного корня является физиологический процесс плеванья.

Психологи сделали ряд наблюдений по поводу отношений существующих между мимическим выражением и психомоторным поведением, типичным для определенных эмоций, с другой стороны, лингвисты обратили внимание на символизацию звуками характерных черт эмоциональной «маски». Так презрение, нетерпимость, отвращение соответственно «переводятся» жестом сильного выдоха, что хорошо схоже с качеством звука [f], которое появляется в словах различных языков: перс. نف [тоф] – плевок, тьфу; نفو [тофу] – *межд.* тьфу; дари نف [тоф] – плевок, тат.-евр. туф – плевок; тадж. туф – плевок; русск. *тьфу* и т.п. С. В. Воронин убедительно аргументирует лабиальный способ выражения уничижительных значений артикуляторными движениями лица, сопровождающими эмоцию презрения: «Презрение в значительной

степени выражается посредством движения мышц, окружающих губы (рот) и нос, при этом выпячивается, оттопыривается нижняя губа и оттягивается верхняя губа (обнажая клык с одной стороны лица), нос поднимается кверху» [1, с. 94-95].

Благодаря щелевому способу выхода звука [f] создает звукоподражательный эффект «воздушной струи», который может развиться в понятие «течения, протекания», «выхода» или «входа»: перс., дари پف [поф] – *подр.* шуму воздуха, с силой выпускаемого изо рта, дутьё, раздувание (*ртом*); پف کردن [поф кáрдán] – дуть; *разг.* дуться, пыжиться; پف پفو [поф пофу] – *разг.* тяжело и громко дышащий; запыхавшийся; страдающий отдышкой; перс. پفالود [пофалуд] – пенистый, покрытый пеной; پفچ [пáфч] – пена изо рта; پفك [пофáк] – детское духовое ружьё; پف نم [пофнám] – сбрызгивание (*белья перед глаженьем*); فوت [фут] – дутьё, раздувание (*ртом*); فوت کردن [фут кáрдán] – дуть, раздувать (*ртом*); فف [фоф] – *подр.* шуму воздуха, с силой выпускаемого изо рта; дутьё, раздувание (*ртом*); فوتك [футáк] – дудка; فاذ [фаж] и فاذه [фаже] – *уст.* зевота; فاذيدن [фажидán] – *уст.* зевать; فاف کردن [фиф кáрдán] – фыркать (*о животных*); طوفان [туфан] – буря, ураган; توفيدن [туфидán] – *уст.* шуметь, бушевать, реветь; дари فاجه [фажа] – зевота; тадж. пуф кардан – дуть, надувать; фож(а) – зевание; фирк-фирк кардан – фыркать (*о лошади*); англ. ruff [rʌf] – звук, издаваемый при выдохе или выпуске воздуха, пара; huff [hʌf] – пыхтеть, тяжело дышать; тур. puflamak – тяжело дышать и т.д.

[шар], [шáр], [шор], [шер], [шур], [шир] подражание звукам струящейся воды, сосания: شر شر [шоршор] или [шершер] – журчание (*воды*), шум (*ливня*); струя воды; شار [шар] – *подр.* льющейся жидкости; شرشره [шоршорэ] – небольшой водопад; شیر [шир] – молоко; شاريدن [шаридán] – течь, литься с шумом; شريندن [шоридán] или شره کردن [шоррэ кáрдán] – *разг.* капать, струиться (*о воде*); شریپی [шерэппи] – всплеск (*воды при падении предмета*); شارت و شورت [шарт-о-шурт] – *подр.* плеску; شرقي [шáраф] – *подр.* шлепку (*о воде*); شورش [шурэш] – волнение (*на море*), колебание (*волн*); شرب [шорб] – питьё, выпивание. Звукоизобразительность передается в данной модели при помощи щелевого анлаута, который символизирует протяженность действия, движения, текучесть, и дрожащего сонорного ауслота ассоциирующегося с продолжительным шумовым эффектом.

В других родственных языках также существуют аналогичные звукоизобразительные основы: тадж. шаршара – водопад; шоридан – струиться, течь; ширшула – рисовый молочный суп; шир – молоко; шир-шир – бульканье; шүрбо – суп; چورې [джори] будан – струиться; چир-چир [джир-джир] кардан – журчать (*о воде*); тат.-евр. шар – волна; шары – шлепок; шир – молоко; шур-шура – бить фонтаном; шурпов – суп, бульон; дари شرشره [шаршара] водопад; شورپا [шурпа] – суп. Как видно из примеров, в таджикском языке прослеживается чередование щелевого [ш] и аффрикатного анлаута [дж]. Сонорный щелевой [л] в некоторых словах рассматриваемой подражательной модели употребляется вместо дрожащего [р], например, перс. شولاپ و شولوپ [шалап-о-шупуп] – плеск, всплеск, бултыхание; شلپ و شلوب [шелеп-о-шолуп] – плеск, всплеск, бултыхание; тадж. шалап-шупуп – плеск; шалпас – бултыхание, плеск; шаллок – шлепок; шилдир-шилдир – журчание (*воды*).

[пет], [пит], [печ], [пиш], [фэш], [феш], [фиш], [fáш], [fáж], [fэж], [fиж], [кáш], [кеш] подражание звукам шуршания, шороха, шипения: پچ پچ [пэч пэч] и پچپچه [пэчпэче] – *разг.* шёпот; шушуканье; پت پت [петпет] или پت و پت [пет-о-пет] – *подр.* звуку гаснувшей лампы, догорающей свечи или глохнущего мотора; پیت پیت [питпит] – *разг.* шёпот; шушуканье; پيش پيش [пиш пиш] [пишт] – брысь! پيشت کردن [пишт кáрдán] – отгонять, прогонять кошку; فش [фэш], فشفش [фэшфэш] – журчание; шипение (*о змее*); فشافاش [фáшафаш] или فشافش [фáшафáш] – жужжание; فيش [фиш] – шипение; فشاش [fáшаш] – *подр.* трению, шуршанию; فوش فوش [fушfуш] или كش كش [кешкеш] – возглас, которым отгоняют собаку; كش و فش [кеш(ш)офеш или кáш(ш)офáш] – шуршание; шорох; كش کردن [кешкеш кáрдán] – *разг.* подметать; غژ [fэж(ж)] – свист (*тули*); غژ غژ [fэжfэж] – скрип (*обуви; двери и т.д.*); غژيدن [fáжидán] – *уст.* ползать; غيژ غاژ [гижfаж] – *подр.* шуму колес поезда при соприкосновении с рельсами. В данной звукоизобразительной модели основное значение шуршания, шипения, шороха несет губно-губной анлаут [п], который имитирует тихое, мягкое действие, движение, а так же щелевые конечные согласные [ш] и [ж], которые по характеру артикуляции имитируют данный звуковой тип. Аналогично и в близкородственных языках: тат.-евр., тадж. пиш-пиш– кис-кис (*возглас, которым подзывают кошку*); пишт – брысь! (*возглас, которым отгоняют кошку*); тат.евр. пичи-пичи – шепот, шептание, шушуканье; тадж. пах-пух кардан – *разг.* чихать (*о моторе, механизме*); пичир-пичир – *подр.* шёпот, шушуканье; пичир-пичир кардан – шептаться, шушукаться; кыш – *межд.* брысь; fаж-fаж – *подр.* скрип (*звук, производимый при распиливании дерева*); fиж-fиж – *подр.* скрип, скрипение (*колёс, дверей и т.п.*); дари پس پس [поспос] – шёпот, рус. кыш-кыш и т.д.

[хор], [хáр], [хэр] подражание хриплым звукам низкой тональности: خرخر [хорхор] или хáрхáр – *подр.* хрипу, храпу, хрюканью, мурлыканью; خرير [хáрир] – *подр.* храпу; خره [хоррэ] – храп, храпение; خر و پف [хор(р)опоф] – *подр.* храпу, сопению; خره [хоррэ] – храп, храпение; خرناس [хорнас] или خرناسه [хорнасэ] – храп, храпение (*обычно животных*); خرنش [хорнэш] – храп, храпение (*во сне*); خرنه [хорнэ] – урчание, урчание (*животного*); خر و خر [хэр(р)охэр(р)] – хрип.

Увулярный щелевой анлаут в сочетании с дрожащим сонорным в ауслоте способствуют имитации храпа и других хрипов низкой тональности в персидском языке, также как и в других близкородственных языках, например, тадж. хуррок – храп; хур-хур – *подр.* храпению; хир-хир, хиррос – *подр.* хрипение, хрюканье, мурлыканье; тат.-евр. хуър – хрип, хрипота, храп, сип, сиплость; хуърхуъри – сопящий, шипящий; хуърине – хрюканье; дари хор-хор – храп. Данный состав звуков детерминирован естественной вибрацией мягкого нёба или язычка при приближении или касании корня языка или задней стенки носоглотки.

При замене анлаута другим увулярным звуком [f] в рассматриваемом корне происходит дальнейшее семантическое развитие, образуются основы-подражания звукам полости рта и желудка: فار و فور *или* غاروغور *или* غاروغور [faroɣur] – разг. урчание (в желудке); غرغر *или* قر قر [ɣor ɣor] *или* غر و غر [ɣor-o-ɣor] *подр.* урчанию в желудке; غرغره *или* قرقره [ɣär ɣärə] – полоскание (*рта, горла*); قورت [ɣurt] – глоток; قرق فرج [ɣerɕ ɣerɕ] *или* [ɣorɕ ɣorɕ], قروچ قروچ [ɣorɕ ɣorɕ] – хруст (*при жевании*); скрежет (*зубов*); قروچه [ɣorɕe] – скрежет (*зубов*). Сюда же можно включить группу изобразительных слов, которые имитируют звуки, издаваемые речевым аппаратом животными: غارغار *или* قارقار [ɣar ɣar] – *подр.* карр (*ворона*), карканье; غر [ɣor] – кваканье; غراب [ɣorab] – ворона; قورقور [ɣurɣur] – кваканье; قورباغه [ɣurbaɣe] – лягушка.

Аналогичное семантическое развитие рассматриваемая модель получила и в других языках: тат.-евр. гьур-гьур – урчание в животе; кваканье (*лягушки*); гьртум – глоток (*жидкости*); гьирчи – скрежет (*зубов*); гьэргъэ – ворона; гьэр-гьэр *подр.* карр (*ворона*); тадж. кур-кур *или* ғур-ғур – урчание (*в желудке*); ғарғара – полоскание (*горла*); ғарч-ғарч, кирс-кирс – хруст; ғичиррос – скрежет (*зубов*); каркар – карканье; кур-кур – *подр.* кваканье; курбокка – лягушка; дари قرت [ɣort] – глоток и т.д.

Следовательно, типологически общей моделью звукоизобразительного выражения звуков органов речевого аппарата и желудка будет модель с увулярным инлаутом [x] или [f] и дрожащий сонорный [r].

[джез], [вэз], [сут] подражание свистящим звукам: перс. سوت [сут] – свист, гудение, вой (*сирены*); шипение (*вырывающегося пара*); свисток, гудок; (کشیدن) سوت زدن [сут зэдән (кешидән)] – свистеть, гудеть, выть (*о сирене*); سوت سوتک [сутсутäk] *или* سوتک [сутäk] – свистулька; سافوت [сафут] – свист, гудение; جز جز [джез джез], جيز جيز [джизджиз] *или* جيز و ويز [джез-о-вэз] – 1. *подр.* шипению, потрескиванию (*раскалённой сковороды при соприкосновении с водой*); 2. *разг.* покалывание, пощипывание; جز جز کرد [джез джез кәрдән] – шипеть, потрескивать; جز زدن [джез зэдән] – *разг.* стонать (*от горя*); جز [джез(з)] *или* جزغال [джезғал] – шкварки; جاز [джаз] – джаз; جزد [джэзд] – сверчок; وز وز [вэз вэз] – жужжание (*напр. мухи*); писк (*напр. комара*); шум (*в ушах*); وز وز کرد [вэз вэз кәрдән] – жужжать, пищать (*о насекомых*).

Главное звукоизобразительное значение данной модели основано на акустической характеристике свистящих звуков, при произношении которых между передней частью языка и твердым нёбом образуется узкая щель в форме желобка, проходя через которую воздушная струя производит резкий шум, напоминающий свист.

Сравним звукоизобразительное обозначение свиста в других языках: тадж. ғиззас, виззас – свист; ғиззас (виззас) задан – свистеть; виззос – жужжание, визжание; Ҷаззас [джаззас] – шипение, треск (*при поджаривании чего-то*); Ҷазза [джазза] – шкварки; Ҷазак [джазак] – цикада; визвизак – жужелица; тат.-евр. зингъилти – визг, визжание; визине – завывание; зурнов – дудка; саз – саз (*муз. инструмент*); whistle [ˈ(h)wɪsl] – свистеть; whizz [(h)wɪz] – свист; рус. *свист, визг* и т.д. Очевидна широкая вариативность звукоизображений свиста, где главную роль играют свистящие звуки. А. М. Газов-Гинзберг так объясняет неоднородность выражения свиста: «Свист бывает двух родов (что и нарушает в некоторой мере единство изображений его): с помощью языка, нёба и зубов или реже с помощью губ. В обоих случаях звук производится путем продувания струи воздуха сквозь крайне узкую щель. Вследствие получающейся при этом равномерной вибрации напряженных стенок щели звук звонок, но не голосовой звонкостью, почему, как правило, в этом звукоизображении участвуют неголосовые (глухие) современные фонемы. Вследствие крайней узости щели звук предельно высок. Обычно в языке не существует отдельных глаголов для обозначения двух родов свиста. Воспроизведение язычно-губного свиста зафиксировано, естественно, при помощи свистящих (включая шипящие), образуемых именно данными органами, и способом, о котором говорит само их название. Аффрикаты часты здесь потому, что, представляя собой последовательное соединение смычки и щели, они более чем обычные свистящие, родственны свисту» [2, с. 46].

Выводы. Рассмотренные явления метатезы и вариативности звукоизобразительного корня имеют не случайный, а вполне закономерный, обусловленный характер, так как встречаются не только в персидском, но и во многих других языках. На основании собранного нами фактического материала можно сделать вывод о том, что звукоподражательная подсистема персидского языка имеет ряд общих черт с аналогичными подсистемами других языков (особенно близкородственных). Мы убедились, что согласными фонемами передаются различия в характере звучания. Начальные согласные определяют характер начала звучания. Большинство корней звукоподражательных слов с начальным смычным передают короткие звучания. Вообще смычные передают серию ударов, тресков или серии коротких звуков. Резкий обрыв шума передается конечными смычными согласными. Конечный дрожащий передает многократные действия резонирующих звуковых явлений. Удвоение согласных в конце подчеркивает длительность передаваемого звучания. В корнях звукоподражательных слов акустико-имитативную нагрузку несут и гласных. Как правило, долгие гласные в звукоподражательных словах передают длительные тоновые звучания, высокие гласные переднего ряда встречаются при передаче высоких звуков, низкие гласные заднего ряда – при передаче низких звучаний.

В связи с тем, что подражательные слова каждого языка подчиняются своим фонетическим и морфологическим законам, то и степень совпадения, сходства звукоизобразительных форм различных языков неодинакова. Однако само существование данных соответствий в различных языках свидетельствует о сохранении определенных функций звукоизобразительности (фонетической мотивированности), и дает неисчерпаемые возможности для образования любого типа значений, что, несомненно, прослеживается на этимологическом материале.

Источники и литература:

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – 3-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2009. – 248 с.
2. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобретен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг. – М. : Наука, 1965. – 183 с.
3. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М. : Изд-во вост. лит., 1962. – 606 с.
4. Журковский Б. В. Звуковая символика в идеофонах / Б. В. Журковский // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л. : Наука, 1969. – С. 54-55.
5. Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля / А. Б. Михалёв. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
6. Boulton M. The Anatomy of Poetry / M. Boulton. – London, 1968. – P. 56.
7. Carr D. Homorganicity in Malay / D. Carr // Indonesian expressives and quasi-expressives. – Language, 1966. – Vol. 42. – N 2. – P. 370-377.
8. ابو علی سینا. مخارج الحروف، تصحیح و ترجمه دکتر خانلری، بنیاد فرهنگ، ۱۳۴۸
9. کامیار، وحیدیان. فرهنگ نام آواها در زبان فارسی. – مشهد : دانشگاه فردوسی مشهد، ۱۳۷۵. – ۲۷۸ص.